

УДК 94(438)

Юрий Сулаберидзе

СОВРЕМЕННЫЙ ЦИКЛ РАЗВИТИЯ ГРУЗИНСКОЙ ИСТОРИИ*

В данной статье автор анализирует особенности восприятия культурно-политической истории правящим классом Грузии. Утверждается, что при осуществлении современной политики необходимо учитывать организм восприятия жизни, ментальность грузинского самосознания.

Ключевые слова: восприятие истории, “способ жизненного проявления”, циклы истории, органическая теория, кавказская цивилизация.

Закономерности политической истории постсоветской Грузии не стали еще предметом исследования, хотя в научной литературе немало написано о политических катаклизмах современной истории Грузии.

Представляется, что выявление определенных циклов политической истории современной Грузии, позволит глубже оттенить ее особенности, проблемы того кризиса власти, который она переживает.

Мы делаем акцент на анализе природы и особенностей политического поведения, типа восприятия истории правящим классом, а не историками [1].

Грузия на первом этапе, при З. Гамсахурдия, избрала тактику изоляции от внешнего мира, и “заключения в кавказскую крепость”. Это был период отпочкования от советской империи.

На втором этапе, при Э.Шеварднадзе, одного из авторов “перестройки”, переложения теории конвергенции на советское пространство, ставились задачи становления грузинского государства, преодоления изоляции, поиска ее места на стыке Запада и Востока. В этом отношении “отец грузинской демократии” первостепенное значение придавал политике не конфронтации, а баланса сил как внутренних факторов, так и внешних игроков, от действия которых в конечном счете зависело – состоится ли грузинское государство.

Эти вопросы не были сняты и “мини-лидерами”, “младореформаторами”, пришедшими к власти в результате “импортированной цветной революции”.

“Спасительным якорем” для революционеров стала идея о транзитной роли Грузии в продвижении демократии на Восток в контексте формирования “Большого Ближнего Востока”.

Грузия превращалась в планах режиссеров постановки нового акта “демократической трагедии” в экспериментальную площадку для апробирования внедрения демократических процедур и ценностей на евразийскую почву.

Можно ли утверждать, что пересаживание на традиционную почву структур общества и идеологии неолиберализма являлось органическим процессом модернизации и глобализации?

Проявилась ли в этом характерная цикличность грузинского политического процесса?

Эти два вопроса тесно взаимосвязаны, и ответы на них позволят подойти к рассмотрению особенностей цивилизационной трансформации грузинского общества в начале XXI века.

Представляется ошибочным абсолютизировать значение сравнительно-исторического метода, так как при этом недооценивается специфика и особенности национальной истории, ее цивилизационного фундамента [2].

Буржуазная историография истории Грузии XIX–XX вв., которая уже была способна выработать дискурс для обнаружения глубинных процессов грузинской истории, стала отходить от деления грузинской истории по принципу смены правления монархий, представлявших, по сути дела, эманацию идеи богоизбранности правителей.

Появление “органической теории”, раскрывающей становление, развитие, расцвет и упадок грузинских царств, отражало достижение буржуазной историографии, которая включала в анализ становления государственности цивилизационные доминанты: развитие экономики, культуры, быта, политических структур [3, с. 4–5].

Развитие грузинской историографии было тесно связано с идеей цикличности грузинской культурно-политической истории, развертывания “грузинской идеи” от зарождения мифа о демиурге, “героя-строителя”, создания единого государства, кратковременного расцвета, а затем распада государства на отдельные царства и княжества, и возрождением национальной идеи на новом витке истории.

* текст подано мовою оригіналу.

Национальные историки в русле прогрессивных европейских тенденций предприняли усилия для обнаружения природы грузинского национально-этнического организма, который стоял перед опасностью поглощения и растворения в имперской оболочке иноязычной культуры.

Историки “культурно-исторической школы” Н. Марр, А. Хаханашвили, И. Джавахишвили внесли значительный вклад в обоснование концепции “самобытного развития Грузии”, сменяющихся циклов развития на основе выделения “внутренних отличительных черт” грузинского феномена, используя для этого сравнительно-исторический и палеонтологический срезы исследования.

Н. Марр ввел понятие “кавказский культурный мир”, пытаясь обнаружить его самодостаточность и самобытность, родовые признаки грузинской культуры в ареале кавказской культуры, свойственный ей “способ жизненного проявления”.

Ученый утверждал, что “духовный фундамент” грузинской культуры был заложен на широкой языческо-этнической базе, определившей дальнейшие пути ее развития.

Н. Марр писал: “Наследовав от языческих времен особую этнически-культурную закваску, по принятии христианства кавказский мир резче выразил свою духовную самостоятельность”. Это позволило грузинской культуре отстоять себя от поглощения иноязычными цивилизациями, оставаться органической частью Христианского Востока [4, с. 93–94].

Восприняв методологию сравнительно-культурного изучения процессов взаимовлияний, грузинская историография сделала ударение на самобытности, методе глубинного постижения собственного развития, поиске “способа жизненного проявления” национального духа.

Грузинский организм отличается многоканальностью, многоэтничностью, по образному выражению Н. Марра, является “древом жизни”.

Определенная “двойственность” двух Грузий – Западной приморской и Восточной континентальной (Колхида и Иверии), горной и предгорной- Севера и Юга, как крестообразное единство при значительном этническом многообразии, постоянно присутствовала и составляла природу национального многоэтнического организма.

Идеология неоплатонизма (“единое-первое”) в обосновании грузинского философа XII века Петрици была положена в основу создания единого грузинского государства, благодаря деятельности “героев-строителей” [5, с. 294–296].

Это и составляло стержень цикличности грузинской истории, она знала периоды расцвета и упадка национального духа, как основные вехи его существования, смена которых определялась как внутренними течениями, так и внешними заимствованиями, отвечающими природе национального организма.

В основе всегда была идея возрождения, особой миссии грузинского государства – как хранителя сначала языческой культуры, а затем христианства на Ближнем Востоке. “Двойственность духовных лидеров (модзгварт-модзгвари) и “мепе-правителей” составляют “дуумвират” этапов развития грузинского государства: Петр Ивер – Вахтанг Горгасал, Иоанн Петрице – Давид Строитель, Шота Руставели – царица Тамара. Они заключали в себе эту идею в циклическом развитии грузинской государственности.

И формирование этого “способа жизненного проявления” является продуктом векового общения с языческим переднеазиатским, христианским, арабо-мусульманским, персидским, кавказским миром.

Был выработан особый грузинский организм восприятия внутреннего и внешнего мира, позволявший аккумулировать опыт общения и его дальнейшего развития. Грузинские царства и княжества как автономные культурно-политические миры прошли через этапы конвергенции “переваривания достижений” европейской и восточной цивилизации.

На “входе” в свою “культурно-политическую систему”, отмеченную “двойственностью происхождения”, выполняемой транзитной роли между Западом и Востоком, ставились определенные требования и условия, при которых стало возможным освоение достижений развитых цивилизаций – это определенное соответствие уровню культурного развития восприемника, природе его организма. Речь шла о возможности усвоения тех пластов, которые не меняли природу собственного организма. На “выходе” система выдавала “продукт”, преобразованный в грузинскую национальную форму, с внутренними отличительными признаками. Грузинский организм ввиду многообразия внутреннего содержания содействовал “конвертации”, переформатированию образцов для подражания.

В небольшом geopolитическом пространстве между Европой и Азией в XII–XIII вв. философия неоплатонизма породила Грузинскую империю, объединяющую многие народы. В значительной степени это было обусловлено и соседством с двумя великими империями – Византийской и Персидской. Грузинская политическая элита отличалась высокой духовностью, толерантностью,

достижениями в создании развитой политической системы. Об этом говорит творчество Шота Руставели.

Видимо, это была высшая точка бифуркации маятника грузинской культурно-политической истории, ее религии, памятники которой находились в Иерусалиме, Синае, Византии.

В грузинском политическом сознании осталась ностальгия об имперском величии, уникальности грузинского феномена.

После падения Византии, вторжения турок-османов, упадка Персии, и разрыва геостратегических путей, связывающих Грузию (“Сакартвело”) с цивилизационными центрами, начался постепенный процесс упадка. Хотя в отдельные периоды можно было видеть попытки возрождения величия, имперского прошлого. Чахла культура, усиливавшаяся партикуляризм. Когда пламя угасло, пассионарность слабела, тогда начался упадок национального духа, раскол единства и цикл падения грузинской государственности.

Научные разработки указанных историков заложили основы для последующего анализа тех кардинальных изменений, которые происходят в политическом организме грузинского общества начала XXI века.

Согласно их исследованиям, можно полагать, что цикличность стала нести новое содержание, но “внутренние отличительные свойства психологии души народа” обнаружили “способ жизненного проявления” грузинского самосознания.

Такова общая характеристика особенностей развития грузинской культурно-политической истории, которая многое объясняет в тенденциях развития современной истории Грузии.

Представляется, что данный организм “способа жизненного проявления” детерминировал культурно-политическое развитие Грузии и на последующих этапах развития грузинского феномена. Сохранился не только скелет организма, но и цивилизация – обычаи, традиции, восприятие жизни и политики. Цивилизационные основания более прочные, и они изменяются медленнее, чем формационные. Является ли органичным восприятие культурно-политической истории современными лидерами Грузии?

Можно отметить определенную метаморфозу в эволюции их взглядов. Первоначально в революционном пафосе провозглашалось возвращение к “корням” национальной истории, принадлежность Грузии к “Колхидской цивилизации”. Лидеры-революционеры стали именовать Грузию “древнейшей европейской страной”, потом неожиданно появились мессиджи, означавшие поиски своего места в новой сетке координат – Грузия должна стать “новым Дубаем” или “новым Сингапуром”. Но это никак не связано с “возвращением в европейскую цивилизацию” [6].

Что за метаморфоза идей “цветной революции”? Этот симбиоз “европеизма” и “тигрового ориентализма” – побочное явление проникновения идей глобализации на окраину евразийского мира, признак бунта отсталости и стремления подчеркнуть исключительность “имперского величия прошлого”. Это признак комплекса неполноценности после долгого периода “отсутствия национального государства”. Современные информационные технологии позволяют строить виртуальные картины “успешной страны” – лидера реформ, маяка geopolитической революции, “глобальных ворот”, лаборатории глобальных экспериментов. В прокрустово ложе “цветной революции” “вписывается” национальная история, вступающая в новый цикл культурно-политической истории. Прежние фреймы – “патрон-подданный”, “свой-чужой” принимают виртуальный характер. “Герой-строитель” преобразуется в виртуального “лидера-маяка geopolитической революции”, “лидера-реформ”.

На другом полюсе историко-виртуальной борьбы “каджи” (“враги”) империи, стремящиеся захватить “золотое руно” избранной провидением страны – страны “древнейшей цивилизации”, где она и зародилась.

Сам исторический фундамент приобретает виртуально-религиозный характер – здесь поле борьбы Добра со Злом. В этом ритуальный, ментальный смысл, воплощенный в ритме и цикле определенного периода национальной истории.

На его раскрытие и воплощение (хотя бы виртуальное) и претендуют “герои-строители XXI века”.

Можно выделить несколько кратких циклов постсоветской истории Грузии.

Это первый период – зарождение грузинского государства, отпочкования от СССР – 1989–2003 гг. и появление “демиурга восстановления независимой Грузии”, всплеск “национальной идеи”.

Так как распад СССР был неожиданным и очень быстрым, то к этому финалу коммунистической идеологии не были готовы как бывшие диссиденты, так и партократы, сторонники конвергенции.

Разлагавшаяся командно-бюрократическая система носила закрытый характер и не была способна на трансформацию. Начался процесс разрушения. Он продолжался и после распада большого государства на всем его бывшем пространстве. Разрушение и появление ростков будущего устройства шли как бы параллельно. Но практически период “либерализма и демократии” открывал возможности пользоваться всем тем, что раньше было общественным.

Шла не только приватизация собственности, но и истории, культуры, общественного и политического сознания, находившегося на уровне предполитической формы.

Поэтому мифологизация “своей истории”, становившейся “уникальной”, поиск архетипов этнически-национального характера составили содержание духовной части первого цикла – периода появления “демиурга” – самоидентификации “национального государства”. Это воспроизвело организм партикуляризма – родового гена грузинской государственности и обнаружило “двойников–демиургов”, претендовавших на строительство грузинского национального государства.

Следствием этого была гражданская война “партикулярных лидеров” и их “национальных партий”. В отсутствии национальной идеи, ее место заняли реликты мифологии, соединенные с обрывками из либеральной идеологии. Страна разделилась на патриотов и врагов, доминировал фрейм “свой-чужой”. Нетерпимость к чужому мнению вполне соответствовала идеологии – “иное не дано”. Это был осколок не только тоталитарной идеологии, но и дань потребительскому восприятию того, что волной полилась с Запада на традиционно-консервативную почву.

Грузинская культурно-политическая мысль была отмечена доминацией негативизма. Данная рефлексия к восприятию воображаемого союзника порождала ориентацию – выбор “наименьшего из зол”. Она вступала в противоречие с другой константой – ориентацией на патрона – героя, покровителя. В этом отношении патрон мог оказаться временным, до тех пор, пока он представлялся сильным не только политически, экономически, но и духовно.

“Партикулярность” природы формировавшегося правящего класса, действовавшего на основе данной рефлексии, составило гремучую смесь. Его формированию не предшествовала ни духовная реформация, ни относительная автономность духовной жизни, что характерно для Западной и Центральной Европы.

Имперские традиции мышления, восприятия действительности не содействовали осознанию специфики изменений, выработке самостоятельного ответа на вызовы, которые предстояло решить правящему классу. Потребительское отношение к выбору патрона диктовало необходимость искать быструю выгоду из состояния сложившегося коллапса ситуации и отсутствия реальной национальной программы.

Отношение к неолиберальной модели преобразования грузинского общества со стороны “цветных революционеров” носит также потребительский характер. Адепты неолиберальной модели подходят чисто инструментально, выборочно к усвоению инноваций. Нет целостного подхода, превалирует игра, парадность, театральность при разрушении прежнего здания государственного дома и создании основ здания “новой демократии”.

Связано ли с приходом к власти “младореформаторов” начало нового цикла грузинской культурно-политической истории с 2003–2004 года?

Как “цветные революционеры” представляют себе возможность перехода от имперского СССР, советской системы к “гражданской нации”?

Способны ли они перешагнуть через этап создания “государства-нации” в условиях раскола общества, доминировании гена партикуляризма, отсутствия объединяющей национальной идеи в условиях переживаемого глубокого духовного кризиса?

Грузия не пережила ни Реформации, ни глубокой трансформации национальных духовных основ, чтобы закрепить национальную идентичность в условиях агрессивной глобализации XXI века. Тщетные попытки определить свое место моста на стыке Запада и Востока в течение последних 20 лет доказывают необходимость решить эту глубинную проблему развития грузинской государственности.

Для этого лидерам национального государства следует освоить “способ жизненного проявления” национального организма, отличающегося многоканальностью восприятия достижений различных цивилизаций.

Грузинская культура представляет собой часть кавказского культурного мира, цивилизации. Ее открытость к взаимовлияниям, глубокие народные корни, и в то же время усвоение элитной культуры окружающей ойкумены, создавали особый мир толерантности, единства.

С полным основанием можно утверждать, что сложившая система власти в Грузии переживает системный кризис. Прежде всего, это обнаруживается в неэффективности действий властей. Главное противоречие власти лежит в несоответствие либеральных идеалов, ценностей,

к которым стремится “розовая элита”, и авторитарными средствами их достижения. Только так представляется возможным мобилизационный вариант ускоренного движения в Европу и НАТО. Подобный дискурс заранее ставит препятствия на пути продвижения к либеральному обществу “факела демократической революции”, приводит к многочисленным нарушениям прав человека.

Сама стратегия неолиберального формирования грузинского традиционного общества в условиях кризиса либеральной идеи представляется ошибочной. Либеральный мимезис толкает на пиарно-революционные действия, игнорируя национальные устои, традиционно-ценностные ориентации грузинского общества. Это порождает усиление конфликтности не только во внутренних структурах общества, но и отношениях с соседями в регионе. Известный аналитик современных политических течений А. Панарин утверждает, что “либерализм, как господствующая идеология современного Запада, формирующая его идентичность, связан с апологетикой современности – с образом блестящего и несокрушимого модерна, равно враждебного к “темному” прошлому, и качественно иному альтернативному будущему” [7, с. 6].

Диспозиция “традиционность-модерн” в постулатах “новых цветных” революционеров приобретает особое значение в рамках строительства общества “молодой демократии”. Она провоцирует вестернизацию традиционного евразийского общества в поисках генотипа “древнейшей европейской цивилизации” в Грузии. По сути дела, провозглашается тезис о тождестве европейского западного человека модерна с типом личности кавказского мира. Исторический романтизм “цветных революционеров” порождает “утопии будущего”, мифологизацию исторического прошлого в доказательство избранности грузинской нации на сотворение новой реальности. Это создает удобную почву для препарирования матрицы истории. В условиях современных потребительских вожделений стремление достичь места под солнцем порождает новую “имитированную историю” в виртуальной оболочке, реальность как бы вытесняется в подсознание, открывая дорогу ирреальности. Такова драматургия нового цикла истории.

В реальности это оборачивается трагедией, страницы которой уже вписаны в новейшую историю Грузии. Память о прошлом – это способность воспитания, обучения на ошибках, но можно и не замечать их, или сводить все к поискам внутренних и внешних врагов, списать на них. И продолжать строить здание “новой демократии” на разрушении традиционных устоев, не совместимых с тезисами “цветной революции”. Так на основе трафаретов неолиберальной демократии создаются институциональные и ценностные структуры нового общества.

Активные шаги на пути к реформированию общества предпринимались. Но в целом они привели к усилению авторитарного режима.

Действительно, в определенный период отделения от союзного государства и отхода от советского наследства, этот процесс представлялся закономерным и обоснованным. Тем более, что в этом отходе от “советского тоталитаризма” странам “новой демократии” активно помогали США и старая Европа. Все было нацелено на создание институциональных основ “новой демократии”, обновление ментальности, смену лидеров “перестройки” – “отцов демократии” на “младореформаторов”. Для этого потребовалось проведение “цветных революций”. Но “революция роз” не только не ослабила персоналистский режим, а придала ему новый импульс в лице харизматичного лидера.

Администрация Дж. Буша придавала режиму М. Саакашвили роль “локомотива цветных революций на Кавказе и Центральной Азии”. Мог ли режим М. Саакашвили, “новые революционеры” выполнить столь сложные задачи, исходя из тех ресурсов, которыми они обладали?

Второй вопрос – в какой степени учитывалось историко-культурное наследие Грузии, менталитет, традиции грузинского народа?

Хотелось бы выделить те аспекты, которые в наибольшей степени отражают кризисное состояние грузинского общества и его правящего класса.

Правящая элита Грузии проявила полную беспомощность в поиске альтернативных путей развития. Не видно команды, которая бы пыталась найти пути самобытного развития грузинской нации, учитывая многовековую историю кавказской цивилизации, роль грузинского этноса в ее развитии. Трудно найти в истории Грузии такой период, когда такими испорченными были отношения с народами Кавказа, с соседями.

Правящий класс предпочитает все время говорить о транзитной роли Грузии в общении Запада и Востока, явно недооценивая цивилизующую роль Грузии в сближении народов Кавказа, отдавая роль транзиту в ущерб органическому развитию Кавказа как самостоятельного феномена.

Восприятие политических реалий современности современным правящим классом Грузии – не только дань голому утилитаризму, но и проявление негативного дуализма к собственной судьбе.

Це проявлення отсутствия исторической памяти, которая препарируется, из ее матрицы вырываются отдельные куски и вольно “по-революционному” складывают “новейшую историю Грузии”, страны “древнейшой европейской культуры”. Для либерально-революционного дискурса характерно игнорирование временных отрезков истории, отрицание ее цикличности – смены периодов подъемов и спада, стремление осовременить собственную историю и подчеркнуть ее уникальность. Поэтому у революционеров возникает насущная потребность возвращения в лоно европейской истории и стремление модернизировать историю Грузии, стремление “сжать пространство”, пробежать быстрее расстояние от “дикости советского коммунистического периода” к “современному демократическому развитию”. Однако, игнорирование объективных закономерностей истории, ее цикличности, маятникового развития, скорее всего, приводит авторов “цветных революций” к обострению ментального кризиса, так как нельзя отбросить “глубинную память истории” [8]. “Революционный дуализм” – хорошо известное явление. Он всегда оборачивается “концом истории”, на смену которой приходит фарс.

Через каналы идеологического воздействия внедряется идея, что существует только одна альтернатива, что путь Грузии давно определен. Когда иссякают возможности манипулировать этой “начинкой”, то на смену ей приходят новая пиар-игра – через Грузию проходит водораздел между цивилизацией и варварством, так называемая “новая Берлинская стена”. Идеологи цветной революции строят фантасмагории необыкновенных успехов в развитии демократии. Грузия в этих утопических проектах является самой привлекательной страной для инвестирования капитала.

Наши суждения о восприятии исторического наследия современными “лидерами-строительями” могут показаться субъективными и односторонними. Можно найти и другие факты, которые говорят об определенных успехах институциональных реформ – удачно проведенной реформе полиции, росте налогов, бюджета, реформировании армии и т.д. Успехи имеются, прежде всего, в создании силовой составляющей правящего режима, который обеспокоен своим сохранением. Но идеологическая база реформации довольно узка. Она строится на эксплуатации фрагментированных образцов героического прошлого, и воссоздания на их основе “прекрасного будущего самой успешной страны либеральной демократии”, представляющей собой “форпост европейской цивилизации в борьбе с варварством” [9].

Цели и задачи, поставленные революционерами XXI века, явно контрастируют со средствами и результатами очередного революционного эксперимента, так как действия как на внутренней арене, а тем более на международной арене выглядят явно неадекватными. В них явно превалируют утопические идеалы, а не политический pragmatism. Последствия событий 2007–2008 годов, скорее всего, склоняют к тому, что кризисные явления носят сущностный характер, а не только личностный, связанный с неадекватными действиями президента.

Ущербна самая стратегия развития, игнорирующая многоканальность культурно-политического развития, возможности поиска альтернатив для сохранения самобытного лица грузинского национального организма.

Список использованных источников

1. Национальные истории на постсоветском пространстве 10 лет спустя // Режим доступа: www.airo-XXI.ru/projects_2008/natsionalni_istorii_10 лет_istorii.htm. 2. Сайко Э. Методологические аспекты стадиального подхода к изучению цивилизаций как явления всемирно-исторического процесса / Сайко Э. // Цивилизации. – Вып. 2. – М., 1993. – С.102–111. 3. Барамидзе А. Вопросы истории древней Грузии в грузинской историографии XIX века: авт. дисс. на соискание док. ист. наук. – Тб., 1971. – С. 4–5. 4. Сулаберидзе Ю. Н.Марр – как историк грузинской культуры // Научная мысль Кавказа. – 1999. – № 2. – С. 94. 5. Нуцубидзе Ш. История грузинской философии. Собр. соч., Т.5. / Нуцубидзе Ш. – Тбилиси, 1960. – С. 294–296. 6. Папава В. Экономические успехи постреволюционной Грузии: мифы и реальность/ Папава В. / Режим доступа: www.slavic-europe.eu/index.php/comments/ii-georgia_comments/9813-2011-07-11. 7. Панарин А. Глобальное стратегическое планирование в условиях стратегической нестабильности / Панарин А.. – М., 1999. – С. 61. 8. Розов Н. Императив изменения национального менталитета / Розов Н. // Полис. – 2010. – № 4. – С. 7–21. 9. www.rus-press.ge/gp/daili_new/1735-stepanian

Юрій Сулаберідзе

СУЧАСНИЙ ЦИКЛ РОЗВИТКУ ГРУЗИНСЬКОЇ ІСТОРІЇ

У цій статті автор аналізує особливості сприйняття культурно-політичної історії правлячим класом Грузії. Стверджується, що при здійсненні сучасної політики необхідно враховувати, ментальність грузинської самосвідомості.

Ключові слова: сприйняття історії, “спосіб життєвого прояву”, цикли історії, органічна теорія, кавказька цивілізація.

Yuriy Sulaberidze

ACTIVE CYCLE OF GEORGIAN HISTORY

The author in her article analyzes particularly perception of culture-politics history of ruling class in Georgia. The author talks about the preconditions is practicable of modern policy, which probably are established by organism of perception life, mental consciousness of Georgia.

Key words: perception of history, "a way of life manifestation of" cycles of history, the organic theory, Caucasian civilization.

УДК 94(477)

Ігор Дацків

**УКЛАДЕННЯ ЦЕНТРАЛЬНОЮ РАДОЮ ВІЙСЬКОВОЇ КОНВЕНЦІЇ У
ВІДПОВІДНОСТІ ДО БРЕСТ-ЛІТОВСЬКИХ УГОД 1918 Р.
ТА ІІ НАСЛІДКИ ДЛЯ УКРАЇНИ**

У статті йдеться про підписання делегацією Центральної Ради Брестського мирного договору. З'ясовуються обставини, що спонукали український провід звернутися до Центральних держав за військовою допомогою у лютому 1918 р. й укласти військову конвенцію. Серед Брестських угод, що кардинально вплинули на дальшу долю України, сприяли збереженню її незалежності і забезпечили розвиток державотворчого процесу, визначальне місце посідає військова конвенція, укладена між Україною та Німеччиною й Австро-Угорщиною, згідно з якою їх армія надавала допомогу українським частинам у визволенні території УНР від військ більшовицької Росії.

Ключові слова: Центральна Рада, Брестський мирний договір, Німеччина, Австро-Угорщина, військова конвенція.

Актуальність теми зумовлена тим, що в період інтенсивного осмислення історії Української революції 1917–1921 рр., виявляються альтернативні аспекти при перегляді умов підписаного делегацією Української Центральної Ради (УЦР) Брест-Литовського мирного договору, обставин, що спонукали українське керівництво звернутися до Центральних держав за військовою допомогою у лютому 1918 р. й укласти військову конвенцію.

Серед Брестських угод, що кардинально вплинули на подальшу долю України, сприяли збереженню її незалежності і забезпечили розвиток державотворчого процесу, визначальне місце посідає військова конвенція, укладена між Україною та Німеччиною й Австро-Угорщиною, згідно з якою їх армія надавала допомогу українським частинам у визволенні території Української Народної Республіки (УНР) від військ більшовицької Росії. Цей акт викликав неоднозначну оцінку суспільства вже за доби УЦР й став предметом дискусій істориків різних ідеологічних напрямків упродовж декількох десятиліть до сьогодення.

Об'єктом дослідження є переговорний процес та підсумкові документи Брест-Литовської мирної конференції 1918 р.

Предметом дослідження є військова конвенція, укладена УЦР в ході переговорів.

Наукова новизна дослідження зумовлена постановкою та розробкою актуальності проблеми, що ще не отримала належного висвітлення в історичній науці. Проаналізовано дії української дипломатії: підписання Брест-Литовського мирного договору, військової конвенції з Центральними державами й вихід України на міжнародну арену.

Оскільки в існуючих на сьогодні наукових розробках зазначена тема всебічно не розглядалася, а також з огляду на відсутність виразної концептуальної домінант, автор поставив за мету об'єктивно висвітлити дипломатичну діяльність делегації УЦР, скерованої на захист національних інтересів українського народу на мирній конференції у Брест-Литовську 1918 р.

Досягнення поставленої мети передбачає опрацювання та вирішення наступних наукових завдань: з'ясувати стан наукового вивчення проблеми; проаналізувати місце України у політиці Центральних держав у зв'язку з мирними переговорами; розкрити хід переговорів української та німецько-австрійської сторін з укладення військової конвенції.

Найбільш детальний аналіз причин, що спонукали керівництва УЦР укласти військову конвенцію, подав М. Грушевський у праці "Ілюстрована історія України" 1921 р. По-перше, він відзначав, що усвідомлював негативну реакцію на запрошення німецьких та австро-угорських